

Уходя в полутьму належке

Представлять Юрия Михайлика одесскому читателю нет нужды, хотя он живет уже двадцать семь лет в Австралии. Присутствие этого поэта в литературной жизни Одессы не прерывалось. Его, как и его стихи, знают, помнят, а главное – любят. Публиковались его новые стихи, он следил за творческой жизнью своих питомцев из литстудии «Круг», писал предисловие к их коллективному сборнику «Глаголы нового времени»...

И новую книгу Юрия Михайлика «Уходя в полутьму належке», вышедшую в 2020 в Одессе, составил автор. И название книги – его. Дизайн, фотографии – Анны Голубовской.

Если бы мне довелось давать название этой книге, назвал бы ее – горькая любовь или горькая нежность. Как-то так. Потом вспомнил, что известный поэт Олег Хлебников, писал о Михайлике: «И поэтому даже от горьких стихов Юрия Михайлика остается радостное чувство – открытия большого поэта».

Новая книга, которую автор составил не хронологически, а тематически, вобравшая любимые мной стихи за полвека, убедительно показывает: Одессе повезло, у нее в XX веке вырос настоящий большой поэт.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Юрий МИХАЙЛИК (Одесса – Австралия)

Млечный Путь. И в поисках ночлега
Век из века тащится телега.
Притяжение и отторжение –
Лучший принцип для передвиженья.
По обломкам рухнувших империй,
Через гравий вер и суеверий –
Колеса дробящее круженье –
Отторжение и притяжение.
Это было болью и любовью,
Нашей стариной и нашей новью
На камнях Египта или Рима...
Все теперь без нас. Отдельно. Мимо.
Ибо нам разрешено судьбою
Только то, что можно взять с собою,
И от Вавилона до Гранады
Виноватых нам искать не надо.
Граждане цыганские евреи,
Мы играли в этой лотерее,
Мы галдели в этом балагане,
Граждане еврейские цыгане.
Странники, изгнанники, бродяги...
Ямы, рвы, канавы и овраги...
И повсюду нам принадлежали
Только те, кто в этих рвах лежали.
По золе Варшавы, сквозь руины,
Через смертный морок Украины, –
Только то, что можно взять с собою.
Что там – кроме нежности и боли?
Что там – кроме памяти и муки –
В узелковых письменах разлуки?
Притяжение и отторжение –
Мировая формула движенья.
Было болью. Остывало болью.
Звездной солью. И подзвездной пылью.
Альтаир, Арктур, Капелла, Вега –
Век из века в поисках ночлега.
Грозный гул. Кибитка кочевая.
...Блеск костра меж звезд опознавая...

ОБЛАЧКО

Облачко колеблется, робея,
среди прибрежных маленьких зыбей.
То ли море неба голубее,
то ли небо моря голубей?

Ничего в любви не понимая,
только вниз по склону торопясь,
вниз по склону, глаз не поднимая,
вниз по склону, за руки держась,

к небу, к морю, к облаку добраться,
до нескромных, но укромных скал,
целоваться – и не отзываться,
кто бы и зачем бы ни искал.

Эпоха уходит как поезд – гремит и дымит.
И в окнах, как рамах, по пояс плывут очевидцы.
Петлицами, лицами рдея шинельного кроя
плывут-уплывают злодеи, страдальцы, герои.
И все ликованья, рыданья за три поколения
отправились в область преданья, забвенья, затменья.
И все заблужденья, исканья, победы, невзгоды –
в беззвучье, во тьму тараканью, в бесследную воду.
Что делать? На скудном подзоле, на скате, на склоне,
качались мы в общем позоре, как в общем вагоне.
в том медленном, грязном, проклятом, в бреду, в суматохе,
в пятьсот-развеселом, в двадцатом, в успешней эпохе.
Но в гулком вокзальном ущелье горит вслед за нами
прощанья, презренья, прощенья угрюмое пламя.
Еще б ему стыками хлопать, наверстывать скорость,
и сеять над рельсами копать, и темень, и морось.

Валерий БАЗАРОВ (Одесса – США)

Валерий Базаров всю сознательную жизнь до выезда в США в 1988 году провел в Одессе. Первые 11 лет жил на улице Гоголя 7, в дом с атлантами (теперь этот символ Одессы на удостоверении членов Всемирного клуба одесситов). Учился в школе №43, там же, на улице Гоголя. Получил диплом факультета иностранных языков ОГУ в 1968 году.

Список записей и профессий в трудовой книжке обширный значителен, в том числе: переводчик технической литературы, журналист (внештатный сотрудник «Вечерней Одессы»). В 2015 году В.Базаров издал книгу «Времен связующая нить». В 2019 году вышла его книга стихов «Второе дыхание».

След прошлых лет листвою усыпан густо,
Шуршит лениво времени покров.
Сегодня странным я наполнен чувством –
Я болен прошлым – значит, я здоров.

Листаю листьев ломкие страницы
И мчатся влево стрелки на часах.
Вплывают в память годы, люди, лица,
Безумье юности, веселия размах.

Как хорошо туда вернуться снова!
И нет невзгод, чтоб эту память смыть.
Мы знали, что вначале было слово,
Короткое, как клятва, слово «Мы!»

Любили мы... нам открывались двери...
Друзья, стихи, стихия и бедлам...
Мы верили, во что теперь не верим,
И пили жизнь с шампанским пополам.

Костер, рюкзак, палатка, песни, споры...
И колыбельную нам на ночь пел прибор.
И к черту на рога мы лезли в горы,
Чтоб приподняться над самим собой.

И что с того, что все мы постарели...
Но ведь горит еще (слегка чадя) свеча!
И нам поют все те же менестрели,
Все те же сны нам снятся по ночам.

Переходя из года в год,
Благословляю время.
Тяжел его для многих ход,
Невыносимо бремя.

Александр БИРШТЕЙН (Одесса)

Поэт, драматург, писатель, автор многочисленных сборников рассказов об Одессе.

По дворам уже июнь. Да – июнь.
А по улицам машин бегодня.
Рассыпаются дела, только дунь.
Лепестками улетят от меня.
Просыпается, покашляв, уют
И ворчливо произносит слова.
Он доволен. Хорошо, что дают
От жилетки поискать рукава.
И играют в домино старики.
То ли рыба им нужна, то ли спор.
И похоже на май лепестки
Вместе с ветром мир кружат до сих пор.
Из окна всегда видней и смешней.
И распахнуты улыбки квартир..
И от нежности моей все сильней
Расцветает этот двор, этот мир.

Придумав дело, без труда
печаль отпустим.
О тех я думаю всегда,
Чей ангел в груди.
День у него – нелегкий день,
А праздник – мука:
Не то кафар,
Не то мигрень,
Не то разлука...
У придорожной тишины
искал совета,
но людям брошенной страны
покоя нету.
А стало быть, искать покой
и не придется.
Покой...
Он только за рекой,
что Стикс зовется.
Все виноватые углы
уже овалы...
А доброта – из под полы

Смеюсь, иль катится слеза...
Но каждым утром свежим
Молюсь, что мог открыть глаза,
Их накануне смежив.

Порога жизни не минуть,
Но в том и совершенство,
Чтоб из отпущенных минут
Черпать нектар блаженства.

«Разрежьте мне, мэтр,
...свистнуть перед скачкой
на прощание...»
Михаил Булгаков

Я никогда не стану взрослым –
Мальчишка, пусть я сед и лыс.
Но, что поделать, если просто
В два пальца обожаю свист.

Что сверстники? Все мимо, мимо...
Все в прошлом...
Дальше – чистый лист.

А я схожу сума с любимой
Под мой, в два пальца дерзкий свист.

Бредут толпою, мелким шагом
Урвать фортуны жалкий призм...
А я решал бы споры шпагой
Под мой неповзрослевший свист.

А тем, кто проскрипит, «Как можно?»,
Отвечу, с детских лет речист, –
«Всю музыку любви возможно
Вместить в мальчишеский мой свист».

Нужна? Едва ли!
Но в наши злые времена
Кто брат твой, Авель?
Твоя вина...
Его вина...
В беде мой ангел!

Переулки ночью пахнут глиной,
угловаты, окнами темны.
Как обряд внезапный и старинный,
редкое явление луны.
По тропинкам света бродят дети,
кутая надежды на лице.
Приключенье лучшее на свете
в тупике, за лестницей, в конце.
В одиночку страшно. Лучше вместе
путь пройти, пожившись в душе.
Там живут непрошенные вести,
никому не нужные уже.
Каждой вести спрос найдется позже,
когда утро вспыхнет тишиной,
а пока, схватив их и итожа,
дети отправляются домой.
Смысла нет, во тьме глядеть под ноги...
Фонари? Они не на посту,
а как будто пуговицы ночи,
к небу прикрепляют темноту.